

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (ред. – Н.Н. Крадин)

УДК 930.26 (517.3:571.54/.55)
DOI: 10.17223/2312461X/20/1

ДИНАМИКА УРБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОСУДАРСТВАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА*

Николай Николаевич Крадин

Аннотация. Статья посвящена изучению урбанизации в государствах и империях Дальнего Востока – Бохай (698–926), Ляо (907–1125), Чин (115–1234), Юань (1206–1238). Было установлено, что истоки урбанизации формируются у мохэ, но настоящие города появляются в государстве Бохай, а затем градостроительные практики получают развитие в империях киданей, чжурчжэней и монголов. Рассмотрены разные особенности региональной урбанизации – система пяти столиц, наличие больших пространств для сезонного размещения двора, особенности фортификации у чжурчжэней, города без стен у монголов и др. В целом городская фортификация и монументальная архитектура символизировали идеологическое господство, являлись своеобразным фокусом привлечения больших потоков людей.

Ключевые слова: мохэ, Бохай, Ляо, Цзинь, Юань, кидани, чжурчжэни, монголы, политогенез, город, урбанизация, кочевники

Введение

Появление городов – одна из самых драматических страниц человеческой истории. Как сказал в свое время Л. Мамфорд, «происхождение города туманно, большая часть его погребена или стерта без возможности восстановления, а будущие перспективы трудно оценить» (Mumford 1961: 3). Однако, несмотря на все проблемы, появление городов достаточно определенно связывается с формированием так называемых сложных (комплексных) обществ и государственности.

Этот тезис был сформулирован еще Г. Чайлдом в его знаменитой работе о «городской революции». В этой работе, которая является едва

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

ли не самой цитируемой статьей по археологии, были выделены 10 археологических признаков сложного общества уровня государственности. Среди них появление городских центров; возникновение классов, занятых вне производства пищи (ремесленники, торговцы, жрецы, чиновники и пр.) и живущие в городах; значительный прибавочный продукт, изымаемый элитой; наличие монументальных культовых, дворцовых и общественных сооружений; обособление правящих групп, наличие фиксируемой в археологических источниках резкой социальной стратификации; появление письменности и зачатков математики; развитие изысканного художественного стиля; появление торговли на дальние расстояния; образование государства; взимание налогов или дани (Childe 1950).

Несмотря на то что в названии статьи был сделан акцент на революционной роли городов в ранней истории, фактически Чайлд имел в виду более широкий контекст – происхождение государственности и классов. Вместе с тем модель «городской революции» и выделенные признаки оказали огромное влияние на все последующие дискуссии о происхождении государства (Smith 2009: 22).

Совершенно очевидно, что урбанизм – это нечто гораздо большее, чем просто придаток к концепции государства (Cowgill 2004: 526). Характер соотношения между урбанизацией и динамикой политогенеза был предметом изучения многих исследователей (Adams 1966; Blanton 1982; Algaze 2008; Marcus, Sabloff 2008). К настоящему времени написано просто бесчисленное количество книг и статей, в которых обсуждается проблематика происхождения и ранних этапов урбанизации (см., например: Ucko, Dimbleby, Tringham 1970; Nichols, Charlton 1997; Hansen 2000; Cowgill 2004; Marcus, Sabloff 2008 и др.).

В настоящее время в мировой науке особенную значимость приобретают сравнительные исследования, которые должны обеспечить рост нового качественного знания посредством сопоставления и анализа различных явлений между собой. В этой и последующих статьях вводятся в научный оборот и анализируются данные об урбанизации в средневековых государствах и империях Дальнего Востока. Эти данные представляют большой интерес в плане сопоставления с данными об урбанизационных процессах в древних и средневековых обществах других регионов.

Причем понятие Дальний Восток мы трактуем в узком значении – как крайнюю восточную часть современной России и примыкающие к ней Северо-Восточный Китай, Корейский полуостров и Японию. Здесь в Средние века существовали четыре государства, три из которых стопроцентно подходят под признаки империи (таблица) – государства Бохай (698–926), Ляо (907–1125), Цзинь (1115–1234) и Юань (1206–1368). Данные государства существовали примерно на одной террито-

рии (с расширением каждого следующего из них за счет включения новых территорий) и сменяли друг друга в соответствии с «принципом домино»: каждое последующее завоевывало предыдущее. Помимо этого, все вышеперечисленные государства располагались на периферии восточноазиатской мир-системы. При этом центры политогенеза бохайского и чжурчжэньского государств находились в природной зоне лесов и тайги Дальнего Востока. Создание Монгольской империи проходило в аридной степной зоне. Ареалы этнополитической активности киданей локализируются в степи ближе к границе степи и леса.

Средневековые империи Дальнего Востока

№	Название (титульный народ)	Период	площадь, млн км ²	Современные государства
1	Бохай (мохэ-бохайцы)	698–926	0,8	КНР, КНДР, Приморье РФ
2	Ляо (кидани)	907–1125	2,6	КНР, Монголия, Забайкалье РФ
3	Цзинь (чжурчжэни)	1115–1234	2,3	КНР, Приморье РФ
4	Юань (монголы)	1206–1368	14,0 (33,7)	Монголия, КНР, Забайкалье РФ и др.

Империи, созданные киданями, чжурчжэнями и монголами, имели большую территорию, деление на имперский центр и завоеванные территории, а также другие характерные для империй признаки. Сложнее обстоит дело с государством Бохай. Его размеры более сопоставимы с крупными государствами, чем с империями. Однако в дальневосточной археологической литературе Бохай иногда относят к империям, имея в виду два обстоятельства: наличие зависимых от Бохая вассальных мохэских владений (вожеств и племенных конфедераций), существование в Бохае титулов император (*хуанишан*) и Внук Неба (*тяньсунь*). Так или иначе, без бохайской культурной традиции трудно представить дальнейшую историю киданей и чжурчжэней.

Государство Бохай (698–926)

Истоки урбанизации в дальневосточном регионе связаны с мохэ и образованием государства Бохай. Мохэ расселялись к северу от Корейского полуострова на территории Приморья, Приамурья и в смежных зонах Манчжурии. Традиционно их включают в тунгусо-манчжурскую языковую общность. Существовало семь крупных объединений мохэ, представлявших собой что-то наподобие сложных вожеств (Крадин 2000). Из них наиболее влиятельными были сумо мохэ, обитавшие в районе гор Чанбайшань, и хэйшуй мохэ, название которых происходит от китайского наименования Амура (Хэйшуй – Черная река). Археоло-

ги выделяют несколько типов мохэских городищ, исходя из их размеров и особенностей укреплений (Пискарева 2015). Все они вполне соответствуют уровню среднемасштабных обществ.

Давление со стороны империи Тан привело к консолидации и созданию у сумо мохэ в середине VII в. крупного объединения с централизованной властью, названного в тюркских эпитафиях боклийским каганатом (Крадин 2004). В 698 г. было провозглашено королевство Бохай (до 713 г. оно называлось Чжэнь). Бохай включал восточную Маньчжурию, часть Северной Кореи и юго-западные территории Приморья. Государство было разделено на 15 областей, 62 округа, 125 уездов (Государство Бохай 2004).

Существовали пять столичных городов, которые имели строгую прямоугольную планировку улиц и кварталов, внутренние укрепленные резиденции элиты, дворцовые, административные и храмовые здания располагались в северной части. Истоки подобной четко структурированной планировки восходят к китайской градостроительной традиции (Steinhardt 1990).

На территории Приморья известно большое количество археологических памятников государства Бохай (Государство Бохай 1994) – городища, поселения, культовые объекты и могильники. Городища традиционно принято делить на долинные и горные. Наиболее изученным бохайским памятником является Краскинское городище. Это уникальный археологический памятник, который являлся центром округа Янь и портом, через который осуществлялись связи Бохая и Японии. На протяжении многих лет здесь ведутся раскопки, которые выявили различные конструкции – каменные стены, печи для обжига черепицы, буддистский храм, фундамент башни, каменный колодец и др. (подробнее об этом в статье Е.И. Гельман и Е.В. Асташенковой).

Не менее интересно Кокшаровское городище, рассматриваемое в статье Н.А. Ключева, А.Л. Ивлиева, И.В. Гридасовой. Данный памятник важен прежде всего найденной на нем уникальной конструкцией – большим строением на платформе с семью помещениями с *канами*. Не исключено, что городище существовало уже после подчинения Бохая киданями в 926 г. и являлось административным центром созданного завоевателями вассального государства Дундань или более поздних образований, наподобие Диньгани или Северо-Западного Бохая.

Империя Ляо (907–1125)

Территорией обитания киданей были Внутренняя Монголия и прилегавшие к ней районы Маньчжурии. Их историческая прародина – долины рек Шара-Мурэн и верховья Ляохэ. Первые упоминания о киданях в китайских летописях относятся к IV в. Этнически кидани связаны

с дунху, сяньби, ухуанями и другими монголоязычными народами. Основу их хозяйства этого времени составляло кочевое скотоводство. Расцвет киданей пришелся на X–XI вв., когда они создали могущественную империю Ляо (907–1125). Они подчинили Бохай и захватили значительную часть территории Северного Китая. Еще до провозглашения империи они захватили 9 городов и 95 тыс. пленников, чтобы их население обеспечивало кочевников продукцией земледелия и ремесла. Они также стали строить свои города, чтобы придать династии легитимный внешнеполитический статус (Lin 2009: 53).

С. Джагчид разделил киданьские города на четыре группы: столицы, резиденции элиты, центры ремесла и торговли, приграничные крепости (Jagchid 1981). Как и в Бохэе, в империи Ляо существовала система пяти столиц. Четыре из пяти располагались на завоеванных землях. Местонахождение Верхней столицы было выбрано между р. Шара-Мурэн и отрогами Хингана в районе современного города Линьдун. Считается, что это было обусловлено значимостью данных территорий с точки зрения имперской идентичности или «этногенетической памяти» киданей (Lin 2011: 228). Город состоял из двух частей подпрямоугольной формы, разделенных рекой, – императорского города (*Хуанчэн*) и так называемого китайского города (*Ханьчэн*). Фактически кидани стали использовать пространственную сегрегацию с целью искусственного разделения разных социальных и этнических групп (Lin 2009: 128). Обратно можно сказать, что стены и ворота города поддерживали киданьскую идентичность и не давали кочевникам растворяться среди завоеванного населения.

Киданьские города являлись центрами ремесленного производства. В городах также проживало земледельческое население, что подтверждается находками всевозможных сельскохозяйственных орудий, наличием полей и каналов в окрестностях городищ (Крадин, Ивлиев 2014: 128–136). Совершенно очевидно, что ведущую роль в росте и развитии киданьских городов сыграло помещенное в них киданями земледельческое население – пленные и беглые китайцы и переселенные бохайцы. Они, видимо, составили основную массу земледельческого и ремесленного населения ляоских городов и посадов.

В Китайском городе помимо офисов различных ведомств и храмов, согласно описанию одного китайского путешественника, «можно найти ремесленников, изготавливающих шелковые ткани, чиновников, ученых, специалистов по оккультизму, школы, спортивные состязания, конфуцианцев, буддистов, даосов и многих других из Срединного государства» (Chavannes 1897: 399). В юго-восточной части города находилось подворье уйгурских купцов, в юго-западной части – подворье Тунвэнь для иностранных дипломатов и подворье Линьхуан для послов из государства Ся.

На выбор местоположения городов огромное влияние оказывали как стремление придать имперский статус территориям исконного проживания кочевников киданей, конструкты «этногенетической памяти», так и решения, навязанные бюрократией, а также личные амбиции правителей и их окружения. Пространство городской среды организовывалось как в соответствии с общепринятыми градостроительными канонами, так и с учетом локальных особенностей и нововведений. То же самое можно сказать в отношении технологии строительства фортификационных сооружений и зданий, жилищ различных категорий населения. Городские стены и башни воплощали территориальный контроль имперской элиты над подчиненной территорией. Важное место имело создание сакральных мест, связанных с политической властью и религиозным господством. Пагоды и храмы торжественно возвышались над стенами и хижинами простых масс. Они символизировали идеологическое доминирование, служили своеобразными фокусами притяжения больших потоков людей. Дворцовые и административные здания демонстрировали политическое превосходство элиты и легитимизировали сформировавшийся политический порядок. Не менее важное значение имела пространственная сегрегация городского ландшафта, которая, с одной стороны, отсекала простых жителей от мест пребывания элиты и, с другой стороны, служила маркером этнической стратификации, подчеркивала неравенство между разными группами завоевателей и различными категориями завоеванных.

С традиционной точки зрения, город должен отличаться замкнутой, компактной планировкой различных типов строений (Wirth 1938: 8). Кидани были кочевниками и поэтому привнесли собственное понимание того, как должна быть организована архитектурная среда. Они переформатировали представления о внутригородском пространстве таким образом, чтобы город стал для кочевников реальным домом, местом, похожим на любимую и бескрайнюю степь. Именно поэтому в столичных городах, да и не только в них, имеются достаточно большие пространства, на которых не было произведено никаких масштабных строительных работ. Здесь можно было быстро и без проблем разбить огромный кочевой лагерь, чтобы через определенный промежуток времени снова отправиться в путь. На протяжении всей истории династии Ляо императорский двор в значительной степени оставался кочевым и перемещался в соответствии с сезонными перекочевками двора. Основные политические решения всегда принимались в юртах (Крадин, Ивлиев 2014: 72–74).

Империя Цзинь (1115–1234)

В качестве регионального гегемона киданей сменили чжурчжэни (потомки амурских мохэ). Они расселялись на территории Северной

Маньчжурии, Приморья и Приамурья. В период расцвета Ляо они зависели от киданей и платили дань пушниной, драгоценностями, лекарственными растениями, лошадьми и т.д. Особенно ценились охотничьи соколы (*хайдунцины*), за которыми по требованию киданей чжурчжэни регулярно совершали походы вниз по Сунгари и Амуру. Постепенно чжурчжэни нарастили свой демографический и военный потенциал. В 1115 г. они провозгласили создание Золотой империи (по-китайски – Цзинь) и начали масштабную войну против Ляо. За 10 лет чжурчжэни полностью разбили киданей и захватили всю их территорию. После завоевания территории Ляо чжурчжэни взяли за подчинение Китая. Постепенно им удалось завоевать практически весь Северный Китай, а империя Южная Сун была вынуждена платить им ежегодно огромные выплаты (Воробьев 1975).

В период расцвета чжурчжэньское государство занимало всю Маньчжурию, южную часть Дальнего Востока России, часть Северной Кореи и большую часть территории Северного Китая. Численность населения составляла 53 млн человек, из них только около 10% были сами чжурчжэни. Получив огромные материальные и человеческие ресурсы, чжурчжэни смогли построить высокоразвитую империю, используя сунские, ляоские и некоторые собственные политические практики. Уже через четыре года после провозглашения государственности чжурчжэни создали собственную слоговую письменность. В государстве получили развитие различные науки и медицина, литература и поэзия, изобразительное и декоративно-прикладное искусство, скульптура и архитектура. Чжурчжэни строили крупные города, в которых воздвигали пышные дворцы и храмы. Они заимствовали и развили систему пяти столиц и многие другие киданьские градостроительные практики. Города становились центрами ремесла, торговли, идеологии, своеобразной многонациональной культуры. Чжурчжэньские столицы были больше и величественнее киданьских (Воробьев 1983).

Достаточно хорошо изучены города чжурчжэней на территории Приморья. Здесь исследовались памятники разного ранга. Около современного Уссурийска на противоположном берегу р. Раздольная (Суйфун) находится Красноярская крепость – город Кайюань, одна из столиц государства Восточное Ся. Это был большой город площадью 180 га с мощными внутренними фортификационными сооружениями, дворцами, храмами, административными зданиями. Посредством раскопок большими площадями исследованы большое количество жилищных усадеб, иных хозяйственных объектов, открыты несколько улиц. По всей видимости, город делился на несколько различных зон в зависимости от статуса и специализации их жителей – кварталы ремесленников и торговцев, других категорий населения, место расположения гарнизона. В юго-восточной части городища находился «внутрен-

ней город» площадью 35 га. Его территория разделена на несколько участков – так называемый запретный город с дворцовыми зданиями, кварталы чиновников и представителей господствующей элиты, храмовые комплексы, государственные склады и др. (Артемьева 2011).

Горные приморские городища времени чжурчжэньских государств Цзинь и Восточное Ся по своим конструктивным особенностям значительно отличаются от равнинных городищ. Как правило, для места возведения городища избирался большой распадок, в котором имелся водный источник. По гребню возводился вал, так что распадок оказывался защищенным от нападения. Более мощными фортификационными сооружениями укреплялся выход из распадка. Самым известным горным городищем такого типа является знаменитая Шайгинская крепость в Партизанском районе Приморского края. Она была открыта выдающимся дальневосточным археологом Э.В. Шавкуновым и длительное время исследовалась под его руководством (1990). В результате многолетних раскопок удалось установить, что это был крупный ремесленный центр. На территории городища раскопано много мастерских, в которых опытные мастера занимались плавкой и кузнечно-слесарной обработкой черных и цветных металлов. Склоны распадка оборудованы террасами, на которых плотно друг к другу располагались жилищные усадьбы с домами каркасно-столбовой конструкции и свайными амбарами, производственные и иные комплексы. На высокий статус Шайгинского городища в политической иерархии Восточного Ся указывают находки на городище серебряной пайцзы – верительного знака должностного лица, печати *чжичжуня*, крупного чжурчжэньского чиновника (Шавкунов 1990; Ивлиев 2006).

Низший уровень административной иерархии занимали небольшие крепости подобно Ананьевскому городищу, которое расположено в Надеждинском районе Приморского края. Городище занимает высокую часть горного отрога. Площадь городища – более 10,5 га, общая длина валов – 1 800 м. Здесь раскопаны более 100 жилищ с канами, различные хозяйственные объекты и др. Исследования показали наличие четкой планировки – жилищные усадьбы вытянуты в некоторое подобие улиц. В западной части городища имеется обвалованный участок, на востоке – еще один небольшой редут. Размеры памятника, отсутствие дворцовых и административных построек, а также важное стратегическое положение позволяют предположить, что здесь могло быть размещено чжурчжэньское *моукэ* – низовая военно-административная единица (Хорев 2012).

Монголы и династия Юань (1206–1368)

В эпоху «монгольской глобализации» (Крадин 2016) процессы урбанизации получают дальнейшее развитие, которое обусловило своеоб-

разный вариант для империи монголов. Если не брать территории завоеванных государств, то для степных районов исторического центра Монгольской империи характерно наличие городов трех типов – имперских столичных мегаполисов (Каракорум, Шанду, Даду), городов – административных центров (Аврага, Хирхира) и отдельно стоящих усадебных (Алестуй, Нарсатуй) и дворцовых (Кондуй) комплексов.

Имперские города кочевников представляют собой сложное многофункциональное явление. С одной стороны, это политический центр – место сосредоточения элиты и аппарата управления, место концентрации и перераспределения военной добычи и дани. С другой стороны – это крупный центр международной торговли и производства. Кроме того, имперский город – это обязательно своеобразный культурный котел, в котором смешиваются традиции различных народов и стран, рождаются новые моды, инновационные импульсы. Наконец, дворцы, стены и храмы имперского города – это своего рода материальная презентация власти, реализация в опредмеченной форме притязаний их владельцев на территориальное и идеологическое господство (Крадин и др. 2016).

Классическим примером такого города является Каракорум (монг. Хархорин). Его строительство началось в 1235 г. Местоположение будущей столицы было обусловлено геополитическими преимуществами и исторической памятью кочевников об этих местах. Город раскапывался в 1948–1949 гг. С.В. Киселевым (1965), с 1999 г. здесь работает немецко-монгольская экспедиция (Bemmann, Erdenebat, Pohl 2010). Город был разделен на несколько участков. В одной зоне располагались усадьбы аристократии и дворец монгольского хана, в другой – расселены чжурчжэньские и китайские ремесленники, третья была занята мусульманскими купцами. В городе существовали рынки (не менее четырех), храмы и кумирни различных конфессий. Чтобы прокормить горожан, монголы поселили около города много крестьян. На территории около города найдены остатки сельскохозяйственных полей и оросительных каналов, земледельческие орудия, плуги для вспашки, жернова. Однако из-за плохих условий для развития земледелия монголы были вынуждены завозить дополнительное продовольствие.

Каракорум оставался столицей до 1260 г., а затем Хубилай перенес центр империи в Китай. Он построил два огромных города – Шанду и Даду. Шанду, или Верхняя столица, находился на границе степи и земледельческих территорий неподалеку от озера Долон-нор. Город был летней столицей. Сюда переезжал в жаркое время император с семьей и двором. В окрестностях император охотился. Здесь также проводились традиционные монгольские обряды и праздники. Город был окружен валом периметром 8 800 м. Внутри в юго-восточной части находился императорский город, а внутри него располагался дворцовый город.

Несмотря на то что город строился по китайским правилам структурирования пространства, внутренняя его планировка была несколько нетипичной для китайского города. Во-первых, это следует из того, что императорский город находился в юго-восточной части города. Наиболее престижные пространства у монголов находились на юге. В данном случае это справедливо и в отношении востока, который считался более почетным у кочевников. Во-вторых, северная часть города (где у китайцев располагались дворцы и административные кварталы) была пустой. Здесь находилась парковая зона (Wei Jian 2008).

Даду (Великая столица, Ханбалык) находился в районе современного Пекина к северо-востоку от чжурчжэньской Центральной столицы Чжунду. Город был спланирован в соответствии с правилами китайской геомантии: избрана строго симметричная планировка по осям север – юг и запад – восток. Город имел прямоугольную форму и состоял из нескольких частей. Периметр внешнего вала составлял 28 600 м. На внешнем валу имелись 11 ворот. В Императорском городе находились административные здания, склады, дворцы Хубилая и его жен и наложниц, двор ученых. Здесь также располагались парки с водоемами и мостами (Steinhardt 1983, 1988; Gaohua Chen 2008).

Помимо имперских столиц известны другие города на территории Забайкалья и Внутренней Монголии. Эти памятники будут рассмотрены ниже в специальной статье. Однако здесь важно отметить ряд принципиальных черт, характерных для городов монгольской империи. Первая – это фактическое отсутствие у многих городов раннего времени развитой фортификации, что было обусловлено уверенностью монголов при первых ханах в отсутствии реальной опасности. Эта иллюзия исчезла, по всей видимости, когда появились внутренние конфликты и оппозиционные партии (после смерти хана Мункэ в 1260 г.). Вторая важная черта касается принципов планировки пространства городов. Ханский дворец должен располагаться в южной части города и пространство от выхода (т.е. к югу) должно быть открытым. Третья важная особенность касается сезонного характера пребывания правителя и двора в городах. Монгольский хаган (как и киданьский гурхан-император) постоянно перемещался со своей ставкой и дружиной в соответствии с правилами сезонных перекочевков. Для чжурчжэней и бохайцев мобильность в форме *полюдьа* (Кобищанов 2009) была важным инструментом контроля центра над регионами.

Наконец, если для территории Европы специалисты по градостроительству отмечают важную роль случайного стечения разных обстоятельств (близость к торговым маршрутам, замкам феодалов, наличие воды, иных ресурсов, удобное стратегическое расположение и т.д. (Грушка 1963: 82–83; Уваров 2012: 57)), то для монголов и предшествовавших им чжурчжэней, киданей и бохайцев, как правило, самым

важным фактором была политическая воля правителей. Решение о строительстве того или иного города принималось носителями властных полномочий разного уровня. Это могло быть совершенно новое место (например, Верхняя столица Ляо), территория другого города (чжурчжэньская Средняя столица Чжунду на месте киданьской Южной столицы Наньцзин) или пространство неподалеку (монгольская Великая столица Даду около чжурчжэньского Чжунду).

Заключение

Что нового может дать дальневосточная тематика для теоретического осмысления ранней урбанизации и в более широком контексте для понимания генезиса цивилизации? Прежде всего необходимо отметить, что ни одно из упомянутых выше обществ ни разу не было упомянуто ни в одной из обобщающих работ, где сравнивались различные варианты древних и средневековых городов разных государств Старого и Нового Света. Этот факт примечателен сам по себе. Несмотря на постепенный отход от евроцентристского понимания истории, имеется некий набор популярных, хорошо известных образцов, которые обязательно присутствуют в обобщающих работах (Египет, Месопотамия, Греция, Рим, Мезоамерика). При этом значительное число интересных примеров остаются просто вне компаративных штудий.

Что касается понимания города как комплексного явления, то Л. Вирт определял город как постоянное поселение, имеющее определенную большую численность жителей, высокую плотность населения, разнообразную функциональную специализацию (Wirth 1938: 8). Согласно образной дефиниции Л. Мамфорда, город – это своеобразный театр социальной активности, в котором происходит тесное географическое сплетение экономических и институциональных процессов, а также отражаются эстетические символы коллективного действия (Mumford 2011: 93). Возможно, самая сжатая формулировка принадлежит Э. Глэзеру, который точно подметил, что для города характерны «близость, плотность, теснота» (Glaeser 2011: 6).

Дальневосточный опыт не противоречит, в принципе, этим сжатым определениям, хотя следует заметить, что для городов империй кочевников (это относится и к чжурчжэням) необходимы были большие пространства для дислокации там на определенный период двора, элитных групп, воинских подразделений и др. Здесь важно отметить еще один принципиальный признак города – фортификация. В Китае, в частности, стена воспринимается одновременно как средство защиты от внешнего врага и как символ города, символ отделения цивилизации от варварства (Lin 2009: 111). Ранние монгольские города строились

без серьезных укреплений, поскольку монголы считали себя покорителями мира и никого не боялись.

Длительное время среди историков и археологов велась дискуссия по поводу функций города. С одной стороны, город позиционировался как место концентрации элиты и административных функций, что визуально отражалось в монументальных строениях (Sjoberg 1960; Adams 1966). С другой стороны, город рассматривается как экономический центр, где концентрируется человеческий капитал и средства обеспечивают сосредоточение промышленности (т.е. несельскохозяйственных функций) и перераспределение товаров (Jacobs 1969). Схожая полемика велась среди отечественных исследователей. При этом сначала акцент делался на торгово-ремесленных функциях города (Тихомиров 1946: 8–9; Сахаров 1959: 17). В более поздних работах возобладала более гибкая интерпретация города как явления, сочетающего экономические и административно-политические функции (Карлов 1980; Куза 1983).

Попытка уйти от дихотомии, что важнее – административные или экономические функции города, была сделана отечественными востоковедами. В начале 1980-х О.Г. Большаковым совместно В.А. Якобсоном была предложена идея определять город как населенный пункт, в котором концентрируется и перераспределяется прибавочный продукт (Большаков, Якобсон 1983; Большаков 2001: 10–11). Это сняло вопрос о первичности политических или экономических функций. Идея была активно воспринята отечественными археологами (Черных 1987: 236–237). Однако в данной связи возникает новая проблема – соотношения урбанизации и политогенеза. Если город представляет собой только центр перераспределения прибавочного продукта, то это означает, что первые города должны были появиться еще до рождения государства, на такой стадии социальной эволюции, как вождество, поскольку редистрибуция (т.е. перераспределение) является одной из важнейших черт данного типа общества. По всей видимости, необходимо рассматривать возникновение городов в сочетании с другими признаками, свидетельствующими о формировании государственности (монументальная дворцовая, административная и храмовая архитектура, сегрегация элитных сооружений от построек обычных жителей, концентрация в элитных зонах предметов роскоши и богатства).

Применительно к дальневосточным государствам и империям важно указать, что здесь значительную часть населения городов занимали крестьяне-земледельцы. Небольшие крепости (подобно военным поселениям *моукэ* у чжурчженей) сами обеспечивали себя продуктами. Вокруг городов / городищ средних размеров всегда были в наличии обрабатываемые поля. На многих из них в ходе раскопок найдены сельскохозяйственные орудия труда. Анализ планиграфии даже таких ремесленных центров, как Шайгинское городище, показывает, что значи-

тельная часть его жителей должна была заниматься земледелием и животноводством. Нередко в непосредственной близости от городов найдены земледельческие посадки. Все это подтверждает тезис, что в доиндустриальных обществах города всегда, в той или иной степени, были тесно связаны с земледелием (Kostof 1991: 38). Надо добавить, что для Монгольской империи это было особенно актуально.

К сожалению, практически ничего не известно про внутреннюю организацию городов изучаемых обществ. Если про европейский город можно сказать, что он являлся одним из центров многополярности западного общества (Бродель 1988: 467–468; Уваров 2012: 441–444, 510, 816–817), то касательно дальневосточных империй можно только предполагать наличие условий, схожих с китайскими (Стужина 1979). Есть данные о развитом государственном контроле над ремеслом в Ляо, Цзинь и Юань (Леньков 1974: 163–171; Воробьев 1975: 232–243; Rossabi 1989: 169–172; Крадин, Ивлиев 2014: 148–149, 220–223). В рассматриваемых империях отсутствовали самостоятельные институты внутригородского управления (подобные европейским цехам). Города были продуктом деятельности центральной власти и зависели от них. Это в значительной степени предопределило ход последующего исторического процесса.

Литература

- Артемяева Н.Г. Итоги исследований Краснояровского городища Приморской археологической экспедицией // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск, 2011. С. 270–277.
- Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в.: Социально-экономические отношения. М., 2001.
- Большаков О.Г., Якобсон В.А. Об определении понятия «город» // История и культура народов Востока (Древность и Средневековье). Л., 1983. С. 21–32.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. М., 1988. Т. 2.
- Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк. М., 1975.
- Воробьев М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). М., 1983.
- Государство Бохай и племена Дальнего Востока России. М., 1994.
- Грушка Э. Развитие градостроительства. Братислава, 1963.
- Ивлиев А.Л. О печати чжичжуна и статусе Шайгинского городища // Вестник ДВО РАН. 2006. № 2. С. 109–113.
- Карлов В.В. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город. М., 1980. Вып. 3. С. 66–83.
- Киселев С.В. (ред.) Древнемонгольские города. М., 1965.
- Кобищанов Ю.М. (ред.). Полюдь: всемирно-историческое явление. М., 2009.
- Крадин Н.Н. Вождества в первобытной археологии Приморья // Приоткрывая завесу тысячелетий: К 80-летию Ж.В. Андреевой. Владивосток, 2010. С. 210–223.
- Крадин Н.Н. Восточная Европа и монгольская глобализация // Stratum Plus. 2016. № 5. С. 17–25.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. История киданьской империи Ляо (907–1125). М., 2014.

- Крадин Н.Н., Харинский А.В., Бакиеева С.Е., Ковыч Е.В., Проконец С.Д. Археология империи Чингис-хана // *Stratum plus*. 2016. № 6. С. 17–43.
- Куза А.В. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // *Русский город*. М., 1983. Вып. 4. С. 4–36.
- Леньков В.Д. Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке (По материалам исследований Шайгинского городища). Новосибирск, 1974.
- Пискарева Я.Е. Раннесредневековые городища и укрепления мохэ // *Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири*. Хурхото, 2015. С. 724–730.
- Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1959.
- Стужина Э.П. Китайский город XI–XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. М., 1979.
- Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1946 (Ученые записки МГУ, Вып. 97).
- Уваров П.Ю. (ред.) Всемирная история. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока. М., 2012.
- Хорев В.А. Ананьевское городище. Владивосток, 2012.
- Черных Е.Н. От доклассовых обществ к раннеклассовым (к итогам деятельности Методологического семинара Института археологии АН СССР в 1976–1984 гг.) // *От доклассовых обществ к раннеклассовым*. М., 1987. С. 229–255.
- Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удиге XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990.
- Adams R. *The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico*. Chicago, 1966.
- Algaze G. *Ancient Mesopotamia at the Dawn of Civilization: The Evolution of an Urban Landscape*. Chicago, 2008.
- Bemmann J., Erdenebat U., Pohl E. (eds.). *Mongolian-German Karakorum Expedition. Vol. 1. Excavations in the Craftsmen Quarter at the Main Road*. Wiesbaden, 2010.
- Blanton R. Urban beginnings: a view from anthropological archaeology // *Journal of Urban History*. 1982. Vol. 8. P. 427–446.
- Chavannes E. Voyageurs chinois chez les Khitans et les Joutchen // *Journal Asiatique*. 9th series. 1897. Vol. 9. P. 377–442.
- Childe V. Gordon. The Urban Revolution // *Town Planning Review*. 1950. Vol. 21, № 1. P. 3–17.
- Cowgill G.L. Origins and Development of Urbanism: Archaeological Perspectives // *Annual Review of Anthropology*. 2004. Vol. 33. P. 525–549.
- Gaohua Chen. *The Capital of the Yuan Dynasty*. Honolulu etc., 2008.
- Glaeser E. *Triumph of the city: how our greatest invention makes us richer, smarter, greener, healthier, and happier*. New York, 2011.
- Hansen M.H. (ed.) *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures*. Copenhagen, 2000.
- Jacobs J. *The Economy of Cities*. New York, 1969.
- Jagchid S. The Kitans and their cities // *Central Asiatic Journal*. 1981. Vol. 25. P. 70–88.
- Kostof S. *The City Shaped: Urban Patterns and Meanings through History*. London, 1991.
- Lin Hu. *Urban Landscape and Politics: The Making of Liao Cities in Southeast Inner Mongolia*. Unpublished PhD Thesis. Chicago, 2009.
- Lin Hu. Perceptions of Liao urban landscapes. Political practices and nomadic empires // *Archaeological Dialogues*. 2011. Vol. 18, № 2. P. 223–243.
- Marcus J., Sabloff J. (eds.) *The Ancient City: New Perspectives on Urbanism in the Old and New World*. Santa Fe, 2008.
- Mumford L. *The City in History*. New York, 1961.
- Mumford L. What is a city? // *The city reader*. 5th ed. New York, 2011. P. 96–104.
- Nichols D.L., Charlton T.H. (eds.) *The Archaeology of City-States: Cross-Cultural Approaches*. Washington, 1997.
- Rossabi M. *Khubilai Khan: His Life and Times*. 2nd ed. Berkeley etc., 1989.
- Sjoberg G. *The Pre-industrial City*. New York, 1960.

- Smith M. V. Gordon Childe and the Urban Revolution: a historical perspective on a revolution in urban studies // *Town Planning Review*. 2009. Vol. 80, № 1. P. 3–29.
- Steinhardt N. The Plan of Khubilai Khan's Imperial City // *Artibus Asiae*. 1983. Vol. 44, № 2/3. P. 133–158.
- Steinhardt N. Imperial Architecture along the Mongolian Road to Dadu // *Ars Orientalis*. 1988. Vol. 18. P. 59–93.
- Steinhardt N. Chinese Imperial City Planning. Honolulu, 1990.
- Ucko P., Dimbleby G., Tringham R. (eds.). *Man, Settlement and Urbanism*. London, 1970.
- Wei Jian. Shangdu Site of the Yuan Dynasty. Beijing, 2008. Vol. 1–2.
- Wirth L. Urbanism as a way of life // *American Journal of Sociology*. 1938. Vol. 44, № 1. P. 1–24.

Статья поступила в редакцию журнала 20 мая 2018 г.

Kradin Nikolay N.

THE DYNAMICS OF URBANISATION IN MEDIEVAL STATES OF THE FAR EAST

DOI: 10.17223/2312461X/20/1

Abstract. The article discusses urbanisation in the states and empires of the Far East: Bohai (698–926), Liao (907–1125), Chin (115–1234), and Yuan (1206–1238). Urbanisation processes are known to have started under the Mohe, and then city building practices were taken to the next level by the Khitan people, the Jurchen, and the Mongols. The article examines differing features of regional urbanisation, more specifically, the system of five capitals, large spaces allocated for seasonal residence of the rulers, fortification practices of the Jurchen, cities without walls built by the Mongols, etc. On the whole, urban fortification and monumental architecture symbolised ideological supremacy and acted as a pole of attraction for large flows of people.

Keywords: Moche, Bohai, Khitans, Jurchen, Mongols, Liao, Yuan, urbanisation, nomads, politogenesis

References

- Artemyeva N.G. Itogi issledovaniia Krasnoyarskogo gorodishcha Primorskoy arkheologicheskoy yekspeditsiy [The results of the Krasnoyarsk site investigation by the Primorye archeological expedition]. In: *Aktualnye problemi arkheologii Sibiri i Dalnego Vostoka* [Topical issues in the archeology of Siberia and the Far East]. Ussuriisk, 2011, pp. 270–276.
- Bolshakov O.G. *Srednevekovy gorod Bliznego Vostoka. VII – seredina XIII v.: Sotsialno-ekonomicheskie otnosheniia* [The mediaeval city of the Middle East from the 7th to the middle 13th centuries: social-economic relations]. Moscow, 2001.
- Bolshakov O.G., Jacobson V.A. Ob opredelenii poniatii "gorod" [On the definition of the term "city"]. In: *Istoriia i kultura narodov Vostoka (drevnost' i srednevekovie)* [The history and culture of the peoples of the East (ancient and medieval times)]. Leningrad, 1983, pp. 21–32.
- Braudel F. *Materialnaia civilizatsiia, ekonomika i kapitalizm. XV–XVIII vv. T. 2* [Material civilization, economy, and capitalism from the 15th to the 18th centuries. Vol. 2]. Moscow, 1988.
- Vorobyev M.V. *Chzhurchzueni i gosudarstvo Zin (X vek – 1234)* [The Jurchen and the state of Jin from the 10th century to the year 1234]. Moscow, 1975.
- Vorobyev M.V. *Kultura chzhurchzueney i gosudarstva Zin (X vek – 1234)* [The culture of the Jurchen and the state of Jin from the 10th century to the year 1234]. Moscow, 1983.

- Gosudarstvo Bohai (698-926) i plemena Dalnego Vostoka* [The state of Bohai from 698 to 926 and the tribes of the Russian Far East]. Moscow, 1994.
- Grushka E. *Razvitie gradostroitelstva* [The development of urban planning]. Bratislava, 1963.
- Ivliev A.L. O pečati chzhichzhuna i statuse Shaiginskogo gorodishcha [On the stamp of chzhichong and the status of the ancient city of Shaiga], *Vestnik DVO RAN*, 2006, no. 2, pp. 109-113.
- Karlov V.V. K voprosu o poniatii rannefeodalnogo goroda i ego tipov v otechestvennoy istoriografii [On the notion of the early feudal city and its types in Russian historiography]. In: *Russkiy gorod* [The Russian city], Vol. 3. Moscow, 1980, pp. 4-36.
- Kiselev S.V. (ed.) *Drevnemongolskie goroda* [Ancient Mongolian cities]. Moscow, 1965.
- Kobishchanov Yu.M. (ed.). *Poludie: vseмирno-istoricheskoe iavlenie* [Gafol: a world's historical phenomenon]. Moscow, 2009.
- Kradin N.N. Vozdestva v pervobytnoy arkheologii Primorya [Chiefdom in the archeology of Primorye]. In: *Priotkryvaia zavesu tysiacheletiy: K 80-letiiu Z.V. Andreevoy* [Opening the veil of the millennia: associated with the 80th anniversary of Z.V. Andreeva]. Vladivostok, 2010, pp. 210-223.
- Kradin N.N. Vostochnaia Evropa i mongolskaia globalizatsiia [Eastern Europe and Mongolian globalisation], *Stratum Plus*, 2016, № 5, pp. 17-25.
- Kradin N.N., Ivliev A.L. *Istoriia kidanskoy imperii Liao (907-1125)* [The history of the Khitan Empire of Liao from 907 to 1125]. Moscow, 2014.
- Kradin N.N., Kharinsky A.V., Baksheeva S.E., Kovychev E.V., Prokopets S.D. Arkheologiya Chingis-khana v Mongolii i Zabaikalye [The archaeology of Chinggis Khan in Mongolia and Transbaikalia], *Stratum Plus*, 2016, no. 6, p. 17-43.
- Kuza A.V. Sotsialno-istoricheskaya tipologiya drevnerusskikh gorodov X-XIII vv. [The social and historical typology of ancient Russian cities of the 10th to the 13th centuries]. In: *Russkiy gorod* [The Russian city], Vol. 4, Moscow, 1983, pp. 4-36.
- Lenkov V.D. *Metallurgiya i metalloobrabotka u chzhurchzeney v XII veke (po materialam Shaiginskogo gorodishcha)* [Metallurgy and metal-working in the Jurchen in 12th century (based on materials on the city of Shaiga)]. Novosibirsk, 1974.
- Piskareva Ya.E. Rannesrednevekoveye gorodishcha i ukrepleniia mohe [Early medieval fortified settlements and the Mohe bulwarks]. In: *Ancient Cultures of Northern China, Mongolia, and Baikal Siberia*. Hohhot, 2015, pp. 724-730.
- Sakharov A.M. *Goroda Severo-Vostochnoy Rusi XIV-XV* [Cities of north-eastern Rus in the 14th to the 15th centuries]. Moscow, 1959.
- Stuzina E.P. *Kitaiskiy gorod XI-XIII vv.: ekonomicheskaya i sotsialnaya zhizn'*. [The Chinese city in the 12th to the 13th centuries: economic and social life]. Moscow, 1979.
- Tikhomirov M.N. *Drevnerusskie goroda* [Ancient Russian cities]. Moscow, 1946.
- Ouvarov P.Yu. (ed.). *Vsemirnaia istoriya. T. 2. Srednevekoveye civilizatsii Zapada i Vostoka* [World History. Vol. 2. Mediaeval civilisations of the West and the East]. Moscow, 2012.
- Khorev, Valery A. *Ananyevskoe gorodishche* [The medieval city of Ananyevka] (Vladivostok: Dalnauka, 2012
- Chernykh E.N. Ot doklassovykh obshchestv k ranneklassovym (k itogam deiatel'nosti Metodologicheskogo seminaru Instituta arkheologii AN SSSR v 1976-1984 gg.) [From pre-class to early class societies (on the outcome of the Methodological seminar held at the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences from 1976 to 1984)]. In: *Ot doklassovykh obshchestv k ranneklassovym* [From pre-class to early-class societies]. Moscow, 1987, pp. 229-255.
- Shavkunov E.V. *Kultura chzhurchzeney-udige XII-XIII vekov i problema proiskhozhdeniia tungusskikh narodov Dalnego Vostoka* [The culture of the Jurchen-Udige in the 12th to the 13th centuries and the origins of the Tungus people of the Far East]. Moscow, 1990.
- Adams R. *The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico*. Chicago, 1966.

- Algaze G. *Ancient Mesopotamia at the Dawn of Civilization: The Evolution of an Urban Landscape*. Chicago, 2008.
- Bemmann J., Erdenebat U., Pohl E. (eds.). *Mongolian-German Karakorum Expedition*. Vol. 1. Excavations in the Craftsmen Quarter at the Main Road. Wiesbaden, 2010.
- Blanton R. Urban beginnings: a view from anthropological archaeology, *Journal of Urban History*, 1982, Vol. 8, pp. 427–446.
- Chavannes E. Voyageurs chinois chez les Khitans et les Joutchen, *Journal Asiatique*, 9th series, Vol. 9, 1897, pp. 377–442.
- Childe V. Gordon. The Urban Revolution, *Town Planning Review*, 1950, Vol. 21, pp. 3–17.
- Cowgill G.L. Origins and Development of Urbanism: Archaeological Perspectives, *Annual Review of Anthropology*, 2004, Vol. 33, pp. 525–549.
- Gaohua Chen. *The Capital of the Yuan Dynasty*. Honolulu etc., 2008.
- Glaeser E. *Triumph of the city: how our greatest invention makes us richer, smarter, greener, healthier, and happier*. New York, 2011.
- Hansen M.H. (ed.) *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures*. Copenhagen, 2000.
- Jacobs J. *The Economy of Cities*. New York, 1969.
- Jagchid S. The Kitans and their cities, *Central Asiatic Journal*, 1981, Vol. 25, pp. 70–88.
- Kostof S. *The City Shaped: Urban Patterns and Meanings through History*. London, 1991.
- Lin Hu. *Urban Landscape and Politics: The Making of Liao Cities in Southeast Inner Mongolia*. Unpublished PhD Thesis. Chicago, 2009.
- Lin Hu. Perceptions of Liao urban landscapes. Political practices and nomadic empires, *Archaeological Dialogues*, 2011, Vol. 18, no. 2, pp. 223–243.
- Marcus J., Sabloff J. (eds.). *The Ancient City: New Perspectives on Urbanism in the Old and New World*. Santa Fe, 2008.
- Mumford L. *The City in History*. New York, 1961.
- Mumford L. What is a city? In: *The city reader*. 5th ed. New York, 2011, pp. 96–104.
- Nichols D.L., Charlton T.H. (eds.) *The Archaeology of City-States: Cross-Cultural Approaches*. Washington, 1997.
- Rossabi M. *Khubilai Khan: His Life and Times*. 2nd ed. Berkeley etc., 1989.
- Sjoberg G. *The Pre-industrial City*. New York, 1960.
- Smith M. V. Gordon Childe and the Urban Revolution: a historical perspective on a revolution in urban studies, *Town Planning Review*, 2009, Vol. 80, no. 1, pp. 3–29.
- Steinhardt N. The Plan of Khubilai Khan's Imperial City, *Artibus Asiae*, 1983, Vol. 44, no. 2/3, pp. 133–158.
- Steinhardt N. Imperial Architecture along the Mongolian Road to Dadu, *Ars Orientalis*, 1988, Vol. 18, pp. 59–93.
- Steinhardt N. *Chinese Imperial City Planning*. Honolulu, 1990.
- Ucko P., Dimbleby G., Tringham R. (eds.). *Man, Settlement and Urbanism*. London, 1970.
- Wei Jian. *Shangdu Site of the Yuan Dynasty*. Vol. 1–2. Beijing, 2008.
- Wirth L. Urbanism as a way of life, *American Journal of Sociology*, 1938, Vol. 44, no. 1, pp. 1–24.